

# СПЕКТАКЛИ, ПОХОЖИЕ НА СНОВИДЕНИЯ

Эймунтас Някрошюс знает, куда ему плыть

Ольга Егошина

**СПЕКТАКЛИ** Эймунтаса Някрошюса похожи на ожившие стихотворения, в которых ритм и звук, начертание слов и воздух между словами, музыки и образы, ассоциации и аллитерации обрели плоть. Строки-мизансцены, рифмуясь друг с другом, складываются в четверостишия-действия.

Цитаты из его спектаклей служат опознавательным знаком «своих» в театральных пристрастиях и верованиях. Сахарный дождь в «Квадрате», когда Он отдавал любимой самое дорогое — весь накопленный за годы заключения сахар, где несколько кубиков сахара — день, горсть — неделя, и вот летит белая масса дней и годов, которые безоглядно отдаются любимой. Или клавиатура — в «Любви и смерти в Вероне», по которой Ромео взбегал на балкон к Джульетте, и движение клавиш создавало мелодию страсти. Или из недавнего пушкинского спектакля «Моцарт и Сальери. Дон Гуан. Чума». Маска, снятая Сальери с лица убитого Моцарта, — иронический знак всех бюстов и статуй, стел и барельефов, фотографий и портретов, овеществленная память, слепок отлетевшего духа.

Сценическое действо, созданное Някрошюсом, обычно относится к драматургической основе так же,

как «Гул затих. Я вышел на подмостки» Пастернака — к «Гамлету» или как трагедия Шекспира — к преданию о ютландском принце Амлете. Пьеса для Някрошюса создает пространство диалога, но не с автором, а с Богом.

«Представьте, что вы с Ивановым — две капли росы рано утром», — советует он на репетиции актрисе Руте Сталिमонайте, играющей Сарру в «Иванове». Его интересуют не Иванов, не Пирсmani, не дон Гуан, а Человек, Художник, Музыкант, его увлекают не чувства, но страсти. Надличные, внеиндивидуальные, сверхчеловеческие силы — Любовь, Смерть, Вера и Отчаяние и самая сокровенная тема — Благословенность и Отверженность. Герои Някрошюса — люди отмеченные перстом Божиим, но не Его улыбкой, люди, избранные, но не благословенные, избранные бездны и пасынки небес. Люди, которые обретут ценой потери собственной души обещанную гармонию, не ту, изначально данную избранным, но достигаемую борением и болью.

Някрошюс ставит спектакли-притчи. В персонажах пьес, в перипетиях сюжета, в развитии действия он выявляет и воплощает манифестации духа.

Из спектакля в спектакль он повторяет образы и приемы, уже ставшие «фирменным знаком» някрошюсовского театра, — живой

огонь, вода, босые ноги, белый дождь (из сахара, муки, песка). И каждый раз потрясающие, как откровение.

Мария-Смерть разувает Пирсmani, снимая с него сапоги. Дон Гуану — гениальному любовнику, импровизатору «любобной песни» — требуется несколько мгновений для соблазнения. Небрежно потреть щеки, коснуться груди. Не то. Потом осторожно снять грубые башмаки и трепетными пальцами коснуться голой ступни. Вся атмосфера любовных авантур, томлений, лихорадки передается голыми ступнями женщин, вдруг выглядывающими из складок тяжелых нарядных платьев. Здесь есть прямая отсылка к пушкинскому «Чуть узенькую пятку я заметил» и ко всем остальным пушкинским описаниям женских ножек.

Сценические метафоры спектаклей Някрошюса всегда огулнительно-неожиданны и парадоксально-убедительны. Серебряков, положивший свои ноги в гамашах и шлепанцах на колени Елены Андреевны, и она, ласкающая и баюкающая эти хамские ноги. Едигей, разрывающий на себе рубаху, раздающий, расшвыривающий себя без остатка узелками со священной землей. В сцене последнего свидания Дон Гуана с Донной Анной — кинжал, разделяющий тела, рвущиеся друг к другу (Тристан и Изольда; или ахматов-

ское: «есть в близости людей заветная черта, ее не перейти влюбленности и страсти»...). Сладкая боль, вечная недостижимость полноты в любви, ее изначальная обреченность.

Предельная насыщенность сценического действия рождает те минуты высокой ясности, которые Хайдеггер называл «зазорами бытия», достижимыми высшим напряжением мысли философа или вдохновением поэта.

Две молчаливые фигуры — запрокинутая в жертвенном порыве голова Донны Анны и опущенная, склонившаяся в признании собственной вины голова Дон Гуана — обращены друг к другу. И в момент наивысшего напряжения от красоты этих двоих, от их обреченности начинается полет зажженных спичек. Искры любви? Заряженный электричеством страсти воздух? И летящие огоньки превращаются в фейерверк ночного беззаботного южного города.

«Недвижим теплый воздух, ночь лимоном/ И лавром пахнет...»

Спектакли Эймунтаса Някрошюса похожи на сновидения, более яркие, осязательные, грандиозные и впечатляющие, чем самая доподлинная реальность. И при этом оставляющие ощущение счастья.

«Я знаю, к какому берегу приведу свой корабль и что там будет — солнце или дождь», — заметил он в одном из интервью.